

Максим Горький

**«Первый раз я увидел эту
женщину...»**

Максим Горький
«Первый раз я увидел
эту женщину...»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=625425

Аннотация

«Первый раз я увидел эту женщину, когда она шла за гробом кого-то, очевидно, близкого ей, – чёрное облако крепа ниспадало с её головы на стройную, высокую фигуру, красиво изогнутые губы были крепко сжаты, на её лице – точно мраморном – сухо горели тёмные глаза, и вся она показалась мне олицетворением гордого страдания...»

Максим Горький

«Первый раз я увидел эту женщину...»

Первый раз я увидел эту женщину, когда она шла за гробом кого-то, очевидно, близкого ей, – чёрное облако крепа ниспадало с её головы на стройную, высокую фигуру, красиво изогнутые губы были крепко сжаты, на её лице – точно мраморном – сухо горели тёмные глаза, и вся она показалась мне олицетворением гордого страдания.

Потом я стал встречать её на берегу моря, в пустынном и угрюмом месте: там лежали один на другом огромные серые камни – остатки осыпавшейся горы, – изрезанные глубокими морщинами, покрытые налётом соли и клочьями мёртвых водорослей.

Неподвижно, как изваяние, она сидела среди камней, – здесь безмолвная глубина её горя выступала предо мною ещё ярче, – ветер тихо играл кисеей траура, а к ногам её, из пустыни моря, одна за другой шли весёлые волны и разбивались о камни у ног её. Иногда я видел на её лице тяжёлые, крупные слёзы.

Мне хотелось заговорить с нею, но я не решался, и вот однажды, ярким майским днём, – море помогло мне.

Накануне была сильная зыбь, а в этот день мягкие, гибкие

волны шли на берег весело и плавно, украшая угрюмые, серые камни белой пеной, разноцветными брызгами и снова с ласковым шорохом уходя в море.

Волна лениво подошла к берегу, подняла свой курчавый гребень ещё выше, на мгновение как бы остановилась в шаловливой неподвижности и вдруг, склонясь, гулко разбилась о камни...

Женщина тихо вскрикнула, быстро поднялась на ноги и, улыбаясь, стала встряхивать с платья брызги воды.

Когда она крикнула, – я бросился к ней, но тотчас же остановился, видя, что она не нуждается в помощи.

Она заметила моё движение, – ясная улыбка осветила её лицо, красиво дрогнули ресницы гордых глаз, и глубоким, грудным голосом она спросила:

– Я испугала вас?

Потом, указывая глазами на новую волну, тихо кравшуюсь к берегу, она добавила:

– Она так неожиданно высоко плеснула... Извините меня!

Я помешала вам...

– Не беспокойтесь, – ответил я, – вы мне не помешали...

– Да нет же... я видела. Это – нехорошо. Не надо мешать человеку, когда он молчит...

– Вы... странно говорите... – промолвил я.

– Я знаю цену этих слов, – ответила она спокойно.

И села выше на камень. Снова лицо её стало неподвижно, а глаза остановились на чём-то в дали моря, ярко облитой

солнцем и пустынной. Там всё рождались, одна за другой, весёлые, смелые волны и плавно катились на берег, чтоб со смехом и пеньем разбиться о серые камни.

– Сударыня! – тихо сказал я, – ничто не обогащает душу человека так, как её обогащает одиночество, но иногда нет сил пережить своё горе одному... И тогда одиночество истощает сердце, как засуха землю...

Она обернулась ко мне и внимательно, но молча посмотрела мне в лицо печально-тёмными глазами.

– Я видел вас, когда вы шли за гробом, – смущённо продолжал я, – а здесь – вы плакали...

– О, это был не первый гроб! – сказала она тихо и наклонила голову. – И не так больно хоронить людей на кладбище, как это больно, когда хоронишь их живыми в своём сердце. А ведь случается... вы знаете?

Я знал. Мы оба замолчали.

У наших ног, играя, умирали волны и воскресали вновь, назойливо и жадно кричали чайки, нас обнимал здоровый, крепкий запах моря, оно сверкало под лучами солнца зелёными и синими огнями, великолепное, могучее...

– Делился ли с вами кто-нибудь счастьем? – вдруг заговорила женщина. – Я думаю – нет.

А горем? Вероятно – часто, не так ли? Вот видите...

И снова взгляд её задумчиво ушёл в пустыню моря, где среди белых гребней волн хлопотливо мелькали чайки.

– Мы слишком много говорим о своём горе, мы слыш-

ком много жалуемся. Всё вокруг нас насыщено нашими сто- нами... и, умирая, мы на всём оставляем только отпечатки наших личных страданий. Приходят другие люди, они мо- лоды, сильны и смелы, но прежде чем узнать жизнь непо- средственно, они отравляются нашим наследством. Мы рас- красили жизнь тусклыми, тёмными красками и только язвы свои рисуем красиво; мы везде, где могли, – а особенно в поэзии, – выдвинули вперёд наши личные неудачи... Те, что идут за нами, видят и слышат всё это... и утомляются чужим горем раньше, чем придёт своё. А когда оно приходит, – у них уже нет силы сопротивляться ему... и они тоже громко стонут...

Она замолчала и посмотрела в небо, где хлопотливо мель- кали чайки...

– Кто уважает человека, тот должен молчать о себе. Кто дал нам злое право отравлять людей тяжёлым видом наших личных язв? В древности раненный насмерть гордо молчал, чтобы и стоном своим не дать врагу злой радости... а мы готовы оглушить весь мир жалобным криком, даже когда у нас болят зубы. Нам чуждо великодушие молчания... Моя печаль, быть может, – моя смертельная болезнь... но часто люди болеют и умирают от жадности и от излишеств... мне их не жалко.

Помолчав, она сказала тихо, но внятно:

– Так хотелось бы видеть людей более гордыми... Если б я была волшебницей – каждого новорожденного я наделяла

бы великодушием молчания!

Она встала – высокая, стройная, вся в лёгком чёрном облаке кисеи. У ног её покорно и весело разбивались волны, её лицо было спокойно и глубокие глаза гордо смотрели вдаль.

– Прощайте! – сказала она, кивая головой, и вновь длинные ресницы её ласково дрогнули.

Я поклонился ей молча.

И она медленно пошла среди серых камней, то появляясь между ними, то исчезая вновь, гибкая, сильная, полная великодушного молчания о своём горе.

Резво и весело одна за другой волны разбивались о камни берега, и воздух, насыщенный бодрым запахом моря, тихо и сонно дрожал от их шумного плеска. Радостно, и щедро, и безмолвно солнце обливало море и землю жгучим плодотворным светом.